
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В НОВОМ УПК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Г. С. КАЗИНЯН

Действующая Конституция Республики Армения была принята все-народным голосованием 5 июня 1995 г. и явилась логическим завершением проводившейся в республике конституционной реформы, начало которой положила принятая 23 августа 1990 г. Декларация независимости РА. Необходимость проведения конституционной реформы была очевидна, поскольку формально не утратившая силу Конституция Армянской ССР 1978 г. не соответствовала сложившимся в стране новым общественно-политическим и социальным отношениям.

Одним из главных ориентиров для конституционной реформы в третьей Республике Армения стали идеи и ценности правового государства. В Конституции РА 1995 г. нашли свое признание и нормативное закрепление все три основных компонента правовой государственности — гуманитарно-правовой (с позиции и под углом зрения естественных прав и свобод человека и гражданина; их признания и защиты), нормативно-правовой (конституционно-правовая природа и требования ко всем источникам действующего права) и институционально-правовой (система разделения и взаимодействия властей)¹.

Новая Конституция РА исходит из теории разделения властей и в главе 6-ой (Судебная власть) закрепляет конституционные основы построения и деятельности судебной власти.

Как известно, принцип разделения властей по существу не был принят марксизмом, который изначально выдвигал в качестве главной задачи обеспечение и укрепление диктатуры пролетариата. «Власть, в данном случае советская, естественно, должна быть единой властью, включая в себя и законодательную, и исполнительную, и, наконец, судебную... Всякая пролетарская революция начинается с того, что она на деле разбивает теорию Монтескье о разделении властей»². Классовые политические интересы предопределили формирование институтов осуществления власти, распределение функций и полномочий между ними, их взаимоотношение. Однако, как показывает история советского конституционного развития, определенное разделение труда по управлению государством постепенно усиливалось, но восприятия идей разделения властей не произошло. Формально конституционным ограничением остался принцип полновластия советов, а фактически — монопольное, руководящее положение коммунистической партии, которая во всех случаях оставляла за собой право принятия важных решений в сфере управления страной, что было закреплено на конституционном уровне (ст. 6 Конституции СССР и Армянской ССР).

Пренебрежение принципом разделения властей, ненадлежащее конституционно-правовое регулирование юстиции в условиях тотали-

¹ См.: Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997, с. 373—374.

² Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с. 242.

тарного режима привели к тому, что «суды, как и вся система юстиции, составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной, были проводниками ее воли. Они выступали преимущественно как репрессивный орган, подчас освящая ритуалом судебного разбирательства предвзято решенную расправу»³. Пребывая в этой системе, суд практически не имел возможности в необходимых случаях дезавуировать решения органов расследования и прокуратуры по уголовному делу. В результате — весьма малое число лиц, оправданных судом (0,1 % в 1984 г., 0,15 % в 1986 г.), что косвенно свидетельствовало о немалом количестве невинно осужденных⁴. Непоследняя роль во всем этом принадлежала юридической науке того периода, которая фактически была выразителем официальной политико-правовой идеологии. В новых общественно-политических и социальных условиях советская система юстиции вошла в кризис, вследствие чего нарушения законов и законности приняли массовый характер, произошли невиданные по своим масштабам хищения общенародной собственности и т. д., а человек и гражданин как был, так и остался незащищенным.

Ст. 5 Конституции РА гласит: «Государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами — на основе принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей». Из смысла этой и других статей Конституции РА вытекает, что судебная власть — одна из ветвей государственной власти и играет важную роль в механизме правового государства. Следовательно, создание конституционной модели судебной власти означало «качественный скачок, означающий появление независимого, суверенного, равновеликого законодательной и исполнительной властям органа, осуществляющего наряду с правосудием по гражданским, уголовным и административным делам функцию конституционного контроля нормотворческой деятельности других ветвей власти, и тем влияющего на обеспечение прав личности, интересов гражданского сообщества, демократических форм правления делами государства».

Основная функция судебной власти — правоохранительная; важнейший способ ее реализации — правосудие, осуществляемое специально созданными государственными органами в строго определенной процессуальной форме⁵.

Выполнение особых функций со стороны судебной власти и судов требует, чтобы они были организованы и действовали с соблюдением специальных правил, которые направлены на обеспечение их независимости и беспристрастности.

Исходя из этих фундаментальных идей, Конституция РА

— предопределяет создание и деятельность Конституционного Суда РА;

— определяет организационно-правовые основы построения и деятельности судов общей компетенции (суды первой инстанции, апелляционные суды и кассационный суд);

— на усмотрение текущего законодательства оставляет учреждение института присяжных заседателей (часть 2 ст. 91);

— предполагает создание отдельных специализированных судов: хозяйственных, военные, а также иные, предусмотренные законом суды (часть 3 ст. 93);

— закрепляет основы принципиально нового правового статуса судей (независимость и подчинение только закону; несменяемость; запрещение занимать другую государственную должность или выполнять иную оплачиваемую работу, кроме научной, педагогической и творче-

³ Концепция судебной реформы в РФ. М., 1992, с. 8.

⁴ См.: Демидов И. Ф. Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Автореф. докторской диссертации. М., 1996, с. 51.

⁵ А. Д. Бойков. Третья власть в России. М., 1997, с. 85—86.

ской; запрещение быть членами какой-либо партии или заниматься политической деятельностью);

— закрепляет принципы осуществления правосудия. Эти принципы в Конституции отражены в различных главах в виде либо как одной из основ конституционного строя, либо как конституционные права человека и гражданина, либо как гарантии осуществления основных прав и свобод (ст. ст. 39—42 Конституции РА), либо как принципы организации и деятельности судебных органов в главе Конституции «Судебная власть».

Однако прежде всего необходимо иметь в виду, что провозглашение конституционной модели постсоциалистической армянской государственности, само наличие новой Конституции не означало и не означает, что ее правовые идеи и нормы, положения о правах и свободах человека и гражданина, закрепленные в ней основы гражданского общества, правового государства, и, особенно, судебной власти уже реальность. Законодателю и юриспруденции предстояла огромная реформаторская работа, первоочередной задачей которой было и остается претворение конституционных принципов, институтов и процедур в жизнь, доведение до конца процесса их формирования и реальное создание конституционной модели армянской государственности.

Особое место среди этих крупнейших преобразований во всех сферах общественной и государственной жизни занимала судебно-правовая реформа. Основным смыслом судебно-правовой реформы было утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной, влиятельной силы, независимой в своей деятельности от законодательной и исполнительной власти, способной решать задачи ограничения произвола других ветвей государственной власти, призванной обеспечить защиту и неуклонное соблюдение основных конституционных прав и свобод человека и граждан. Вот те теоретические положения, которые составляли содержание Конституции РА 1995 г. и в то же время определяли идеологию и концепцию судебно-правовой реформы.

Все вышесказанные конституционные предписания в ходе осуществления судебно-правовой реформы были положены в основу нового судоустройственного и процессуального законодательства. Среди них важное место занимают конституционные гарантии основных прав и свобод человека или гражданина, которые направлены на исключение произвола при осуществлении правосудия вообще и в ходе уголовного процесса в частности. В борьбе против преступности государство и его органы обязаны привлекать к ответственности виновных. Однако, применение ответственности должно реализовываться с соблюдением установленных законом демократических процедур.

Следовательно, в ходе проведения судебно-правовой реформы применительно к уголовному процессу, как одной из форм осуществления судебной власти, перед нами стояла следующая задача: исходя из положений Конституции РА, коренным образом преобразовать уголовно-процессуальное законодательство и в досудебных стадиях создать необходимые условия повышения эффективности деятельности органов расследования и прокуратуры по борьбе с преступностью, укрепить гарантии, в том числе судебные, обеспечивающие надежную защиту граждан как от преступлений, так и от незаконных действий органов государственной власти и их должностных лиц, ответственных за уголовно-процессуальное производство, а в судебных стадиях уголовного судопроизводства сделать реальным независимый и беспристрастный суд, состязательное судопроизводство и тем самым создать развитую систему юридических гарантий прав и свобод граждан в уголовном процессе.

Гарантией реализации этих задач судебно-правовой реформы является Конституция РА как своего рода идейный ориентир, как имеющий высшую юридическую силу нормативный акт, нормы которого действуют непосредственно (ст. 6 Конституции РА). Конституция выступает

в качестве юридической базы для развития всех отраслей права, в том числе и уголовно-процессуального, поскольку ее положения являются первичными, исходными, основополагающими.

Однако, с одной стороны, «не следует впадать и в другую крайность, полагая, что конституция сама по себе, «в гордом одиночестве» без помощи других законов способна решить задачи базового регулирования. Действие многих конституционных норм достигает цели во взаимосвязи, в комплексе с текущим законодательством»⁶. Но с другой стороны, есть опасность, что нормы Конституции будут растворяться в текущих законах, поскольку последние, несмотря на прогрессивное содержание Конституции, в ряде случаев уже проявляют тенденцию к несоответствию с конституционными положениями. Вот почему, как нам кажется, важен анализ конституционных принципов судопроизводства с точки зрения их воплощения в новом УПК РА.

Конституция РА 1995 г. содержит ряд теоретических и правовых положений, относящихся к судебной власти и правосудию вообще, которые имеют статус конституционных принципов правосудия. Конституционные принципы правосудия — это общие руководящие, исходные положения, определяющие существенные стороны данного вида государственной деятельности, которые являются основой процессуального законодательства и имеют высшую юридическую силу в отношении как с собственно процессуальными принципами, закрепленными только в УПК, так и с более частными положениями УПК. Эти принципы частью являются новшеством для нашего законодательства, а частью представляют собой развитие прежних конституционных принципов и положений. Чтобы достойно оценить эти конституционные положения как концептуальные основы осуществления судебно-правовой реформы в третьей республике, необходимо подвергнуть сравнительному анализу эти положения Конституции РА и соответствующие им и нашедшие отражение в новом УПК РА принципы и положения. Такой анализ имеет и теоретическое, и практическое значение, поскольку дает нам возможность:

а) в контексте конституционного развития Армении оценить сущность изменений этих принципов, следовательно, и характерные черты современного уголовного процесса;

б) разграничить систему конституционных и неконституционных принципов уголовного процесса, исходя из приоритета конституционных принципов уголовного процесса над собственно процессуальными принципами, и таким образом выявить концептуальные и юридико-технические расхождения между ними, если они есть;

в) выявить концептуальные расхождения, коллизии между конституционными принципами, положениями и нормами текущего уголовно-процессуального законодательства, особенно предусмотренные в УПК, правоограничения граждан в связи с их участием в уголовном процессе, имеющие антиконституционный характер;

г) сформулировать предложения, направленные на преодоление коллизий между Конституцией и УПК РА.

Выполнение этих четырех основных задач определяет предмет нашего исследования. Однако, при определении предмета исследования мы учитывали еще и то обстоятельство, что принципы уголовного процесса можно условно разделить на три категории, и такой подход делает выполнение поставленных перед нами задач более доступным.

Во-первых, часть принципов уголовного процесса имеет конституционный статус и прямо воспроизведены и воплощены в новом УПК РА.

Во-вторых, среди конституционных принципов и положений, имеющих отношение к уголовному процессу, есть и такие, которые в новом

⁶ Конституция РФ: Научно-практический комментарий. Под ред. акад. Б. Н. Топорнина. М., 1997, с. 28.

УПК не получили непосредственного, формального закрепления в качестве принципов уголовного процесса, но они так же определяют сущность и содержание уголовного процесса, характеризуют самые важные его свойства и качественные черты, его структуру. То есть, эта категория конституционных принципов непосредственно не воспроизведена в новом УПК в качестве принципа уголовного процесса, но в содержательном аспекте они воплощены в нем. Такое своеобразное значение имеет закрепленное в части второй ст. 38 Конституции РА положение, согласно которому каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод, закрепленных Конституцией и законами, а также часть третья ст. 40 Конституции, провозглашающая право каждого на пересмотр приговора в вышестоящем суде в установленном законом порядке.

И наконец, в новом УПК РА закреплены некоторые общие положения уголовного процесса, которые не имеют статуса конституционных принципов уголовного правосудия, однако являются так называемыми собственно процессуальными принципами, закрепленными только в нормах УПК. Такого рода принципами являются состязательность в уголовном процессе (ст. 23 УПК РА); принцип недопустимости вторичного осуждения и уголовного преследования, ухудшения состояния обвиняемого (ст. 21 УПК РА); принцип свободной оценки доказательств (ст. 25 УПК РА); принцип языка уголовного процесса (ст. 15 УПК РА).

Таким образом, исходя из поставленных перед нами задач, мы здесь будем обсуждать только те конституционные основы (принципы) уголовного процесса, которые прямо воспроизведены, либо их сущность, воплощена в новом УПК РА.

Переходя к сравнительному анализу конституционных предписаний, касающихся судопроизводства, которые, как наиболее принципиальные основополагающие положения, должны лежать в основе нового уголовно-процессуального законодательства, надо также отметить, что они обязательны не только для должностных лиц и органов, а также граждан, участвующих в уголовном процессе, которые призваны соблюдать и исполнять их, но и для законодателя, который в ходе своей правотворческой деятельности должен учитывать конституционные принципы уголовного процесса. Чтобы эти два требования соблюдались, предусмотрены соответствующие механизмы их реализации. Так, часть первая ст. 398 нового УПК РА устанавливает, что в ходе судебного разбирательства «существенными нарушениями уголовно-процессуального законодательства (следовательно, основанием для отмены или изменения приговора) являются нарушения принципов и других общих положений данного кодекса путем лишения участвующих в деле лиц, гарантированных законом прав, либо их ограничения, либо иным путем, которые препятствовали всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, влияли или могли повлиять на вынесение неправильного решения по делу». Гарантией законодательной реализации конституционных принципов в уголовном процессе служит также конституционный контроль, проблемы которого рассмотрим в дальнейшем.

1. Первым из конституционных принципов уголовного процесса является предписание, закрепленное в ст. 4 Конституции, согласно которому публичные субъекты права, в совокупности государство, обеспечивает «защиту прав и свобод человека на основе Конституции и законов — в соответствии с принципами и нормами международного права». В отношении лиц ст. 48 Конституции РА устанавливает, что каждый обязан уважать права, свободы и достоинства других лиц. Эти конституционные предписания в более развернутом виде воспроизведены в новом УПК РА как принцип уголовного процесса: **«Уважение прав, свобод и достоинства личности обязательно для всех участвующих в уголовном процессе органов и лиц».**

Временное ограничение прав и свобод личности производится с разрешения суда. Меры процессуального принуждения применяются только в тех случаях, когда необходимость такого решения обоснована надлежащей правовой процедурой.

В ходе уголовного процесса никто не может подвергаться унижающему его достоинство обращению, содержаться в унижительных условиях. Лицо нельзя принудить к участию в унижающих его достоинство процессуальных действиях.

Каждый имеет право всеми средствами, не запрещенными законом, защищать свои права и свободы» (ст. 9 УПК РА).

«Правоохранительная функция, являющаяся основной для уголовного процесса, не может осуществляться путем нарушения прав человека. Не принуждать, а уважать и соблюдать его права — именно это должно стать основным методом уголовно-процессуального производства»⁷.

Одно из предписаний общеправового принципа — уважение прав, свобод и достоинства личности устанавливает, что временное ограничение прав и свобод производится с разрешения суда (часть 2 ст. 9 УПК). Это предписание реализовано и в Конституции РА, и соответственно в новом УПК. Ст. ст. 18, 20, 21, 28 Конституции РА устанавливают:

— каждый имеет право на свободу и неприкосновенность. Человек может быть подвергнут аресту, обыску не иначе, как в установленном законом порядке. Он может быть заключен под стражу только по решению суда — в установленном законом порядке;

— каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которое может быть ограничено только по решению суда;

— каждый имеет право на неприкосновенность жилища. Запрещается проникновение против воли человека в его жилище, за исключением предусмотренных законом случаев. Жилище может быть подвергнуто обыску только по решению суда — в установленном законом порядке;

— каждый имеет право на собственность и наследование. Лишать собственности может только суд — в предусмотренных законом случаях.

Эти конституционные положения воспроизведены во 2 главе нового УПК РА как принципы уголовного процесса: неприкосновенность личности (ст. 11, УПК); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК); тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 14 УПК); неприкосновенность имущества (ст. 13 УПК).

Эти принципы, как «первичные нормы наибольшей общности... определяют более частные правила и положения»⁸ нового уголовно-процессуального законодательства, определяют построение уголовного процесса в целом. Так, в последующих главах и статьях УПК они получают более подробную, детальную регламентацию, в частности, в главе 39 УПК (Судебный контроль над досудебным производством). Нормы этой главы устанавливают, что суд рассматривает ходатайства о проведении **следственных** (обыск жилища; ограничение тайны переписки; телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), **оперативно-розыскных действий** (которые связаны с ограничением тайны переписки; телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений) и о применении мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы личности (заключение под стражу; размещение в следственном учреждении для проведения судебно-психологической или судебно-медицинской экспертизы).

Суд в установленных уголовно-процессуальным законодательством случаях и порядке рассматривает протесты о законности решений и

⁷ Демидов И. Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. М., 1995, с. 40.

⁸ Уголовный процесс. Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997, с. 70.

действий органов дознания, следователя, прокурора и осуществляющих оперативно-розыскную деятельность органов. Решения, принятые судом в связи с этими ходатайствами, могут быть опротестованы в вышестоящий суд со стороны прокурора, подающего ходатайство органа, тех лиц или их представителей, интересы которых затрагиваются.

Одной из гарантий принципа уважения прав, свобод и достоинства личности в уголовном процессе является положение Конституции, согласно которому **возмещение пострадавшему нанесенного ущерба обеспечивается в установленном законом порядке** (часть 2 ст. 40). Это конституционное предписание в новом УПК преобразовано в принцип восстановления прав пострадавшего от судебных ошибок (ст. 22 УПК).

2. Конституционные предписания «государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами... государственные органы и должностные лица правомочны совершать только такие действия, на которые уполномочены законодательством» (ст. 5 Конституции РА); «В Республике Армения гарантируется верховенство закона» (ст. 6 Конституции РА); «Запрещается использование доказательств, приобретенных с нарушением закона» (часть 2 ст. 42 Конституции РА), «Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы...» (ст. 48 Конституции РА) и т. д., являющиеся косвенным закреплением **принципа законности**, который в ст. 7 УПК выражен следующим образом: «Орган дознания, следователь, прокурор, суд, также другие участвующие в уголовном процессе лица обязаны соблюдать Конституцию РА, УПК и другие законы.

Никто не может быть задержан, обыскан, арестован, осужден, подвергнут приводу и другим мерам процессуального принуждения, а также другим ограничениям прав и свобод не иначе, как на основе и в порядке, установленном по закону».

«Принцип законности в уголовном процессе обеспечивается таким построением процесса, при котором в каждой последующей стадии проверяется законность и обоснованность решений, принятых в предыдущих стадиях. В случае обнаружения нарушений закона обеспечивается принятие мер к их устранению. Важными гарантиями соблюдения предписаний закона являются осуществляемые в тех или иных пределах на всех стадиях уголовного судопроизводства судебный контроль и надзор прокурора за исполнением законов оперативно-розыскными органами, органами дознания и органами предварительного следствия⁹, а также такие формы внешнего контроля как средства массовой информации, общественность, адвокатура и т. д.

3. **Принцип равенства всех перед законом** закреплен в ст. 16 Конституции РА: «Все равны перед законом и без дискриминации равным образом защищаются законом». Этот конституционный принцип в той же формулировке воспроизведен в ст. 8 УПК РА. В основе этого принципа лежит положение ст. ст. 7 и 8 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Предыдущее конституционное и уголовно-процессуальное законодательство закрепляло также и положение о равенстве перед судом. Некоторые государствоведы предполагают, что формулировка «равным образом защищаются законом» в первую очередь означает равенство перед судом, ибо при наличии споров и фактов нарушения именно суд является самым эффективным средством защиты и восстановления прав и свобод¹⁰. Ст. 5 Закона РА о судостроительстве этот принцип закреплен в следующей формулировке: «Все равны перед законом и судом и без дискриминации равным образом защищаются законом».

⁹ Уголовный процесс. Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997, с. 58—59.

¹⁰ См.: Հ. Մ. Խաչատրյան, Հայաստանի Հանրապետության անադին Սահմանադրութունը, Երևան, 1997, с. 61.

Граждане, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических или иных взглядов, социального происхождения, имущественного или иного состояния, имеют все права, свободы и обязанности, установленные Конституцией и законами Республики Армения».

Думается, что положения о равенстве перед законом нашедшим свое отражение в текущем законодательстве, принятом в результате осуществления судебно-правовой реформы, нуждаются в корректировке, поскольку они нарушают требования законодательной техники о единстве правовых формулировок, а формулировка второй части вышеупомянутой статьи—«граждане, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических или иных взглядов, социального происхождения, имущественного или иного состояния, имеют все права, свободы и обязанности, установленные Конституцией и законами Республики Армения» вообще не уместна, поскольку она имеет конституционно-правовое, а не уголовно-процессуальное содержание и характер.

Равенство перед законом означает наличие единого, в том числе уголовно-процессуального законодательства, исключение существования в республике особых судов, особого процессуального порядка для отдельных социальных групп населения. В этом смысле в РА не существует даже системы отдельных военных судов, и воинские преступления также подсудны общегражданским судам.

Новое уголовно-процессуальное законодательство РА, которое было принято в рамках судебно-правовой реформы, устранило такие отступления от принципа равенства граждан перед законом, как право вышестоящего суда принять к своему производству дело, подсудное нижестоящему суду, а также наличие категории дел, по которым дознание было формой окончания предварительного расследования. Так, ст. 188 УПК РА устанавливает, что «предварительное расследование в форме предварительного следствия является обязательным для всех дел. Дознание может быть начальной стадией расследования сроком на 10 дней, начиная с момента возбуждения уголовного дела».

Несмотря на это, по нашему мнению, принцип равенства перед законом в новом УПК выражен не последовательно. Тот факт, что в УПК РА сохраняется понятие «подследственность» и правила о ней, это уже своеобразное проявление неравенства в отношении лиц, попадающих в орбиту деятельности органов расследования. Ст. 189 УПК РА устанавливает, что предварительное следствие по уголовным делам выполняют следователи прокуратуры, органов внутренних дел и национальной безопасности. Бесспорным является то обстоятельство, что такой подход «не обеспечивает единства ни в организации следственной деятельности, ни в руководстве ею, ни в ее ресурсном (материально-техническом и кадровом) обеспечении»¹¹. Тем самым создаются объективно разные условия ведения расследования, разный режим предварительного следствия, несмотря на единство процессуального регулирования. Следовательно, это ведет к нарушению принципа равенства перед законом. Выход из такого положения видится в создании единого следственного органа или во внедрении института судебных следователей.

Принцип равенства в уголовном процессе означает также, что закон не вправе оказывать предпочтения или как-то ограничивать кого-то по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, по политическим соображениям и убеждениям, а также в силу других обстоятельств. Нормы закона ни на одном этапе судопроизводства не ставят правовой статус лица в зависимость от указанных признаков¹². Субъекты уголовного процесса, имеющие одинаковый

¹¹ Истина... И только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе. М., 1990, с. 244.

¹² См.: Уголовный процесс. Под ред. П. А. Лупинской. М., 1995, с. 95.

процессуальный статус, равны перед законом и перед участвующими в уголовном процессе государственными органами. Каждый из них в рамках своего процессуального положения обладает равной возможностью пользоваться предусмотренными законом процессуальными правами и в равной мере исполнять возложенные на него обязанности¹³.

Таким образом, все субъекты, занимающие одинаковое процессуальное положение, наделены одинаковой совокупностью прав и обязанностей. Более того, чтобы это равенство было реальным, уголовно-процессуальный закон устанавливает некоторые дополнительные гарантии лицам, которые по разным причинам не могут защищать свои права и интересы (несовершеннолетние, не владеющие языком судопроизводства и т. д.). Например, в ст. 15 УПК РА закреплен такой принцип уголовного процесса, как «язык уголовного процесса». Этот процессуальный принцип не имеет прямого конституционного закрепления, если не считать ст. 12 Конституции РА, которая устанавливает, что государственным языком РА является армянский. Согласно этому принципу, уголовный процесс ведется на армянском языке. В уголовном процессе каждый, за исключением органа, осуществляющего уголовное производство, имеет право выступать на том языке, которым владеет. Лица, не владеющие языком судопроизводства, имеют право на бесплатного переводчика. Лицам, не владеющим языком судопроизводства, копии документов выдаются на том языке, которым они владеют. Документы, составленные на иностранных языках, приобщаются к делу вместе с переводимой на армянский язык копией.

Принцип равенства перед законом (судом) в уголовном процессе имеет также и другой смысл, другую сторону. Поскольку судебное разбирательство, как стадия уголовного процесса, построено на принципе состязательности и такие уголовно-процессуальные функции, как уголовное преследование, защита и решение дела разделены и осуществляются разными органами и лицами, суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а выражает только интересы правосудия, то стороны обвинения и защиты должны быть равноправны перед судом. Отсюда вытекает два вывода: во-первых, участвующие в уголовном процессе стороны должны наделаться уголовно-процессуальным законодательством равными возможностями для обоснования своей позиции. Во-вторых, суд должен мотивировать приговор только теми доказательствами, в процессе исследования которых для каждой из сторон были обеспечены равные условия. Оба эти вывода в виде общих правовых предписаний закреплены в ст. 23 УПК РА (Состязательность в уголовном процессе). Однако уже на уровне детального правового регулирования первый из них последовательно не соблюдается. Новый УПК РА содержит ряд норм, которые нарушают принцип равноправия в контексте состязательного судебного разбирательства. Например, часть 4 ст. 35 УПК РА необоснованно ограничивает полномочия по поддержанию обвинения со стороны потерпевшего, устанавливая: «...заявление обвинителя об отказе от осуществления уголовного преследования в отношении подсудимого является основанием для прекращения производства по делу и уголовного преследования в суде». Другой пример: согласно части 1 ст. 376 УПК РА, потерпевший не имеет права подавать апелляционный протест по делам публичного обвинения. Такие законодательные положения являются не только грубым попранием прав потерпевшего, но также нарушением конституционного принципа равенства перед законом. По этой причине их надо устранить из УПК.

¹³ В этом аспекте мы согласны с мнением И. Л. Петрухина, который считает, что в уголовном процессе нет единого правового статуса личности, каждое участвующее в деле лицо имеет свой процессуальный статус — обвиняемого, потерпевшего, истца, и т. д. См.: Петрухин И. Л., Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985, с. 7.

4. Статья 39 Конституции РА устанавливает, что «каждый для восстановления своих нарушенных прав, а также выяснения обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право на публичное рассмотрение своего дела в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости, независимым и беспристрастным судом. Из соображений защиты общественной нравственности общества, общественного порядка, государственной безопасности, личной жизни сторон или интересов правосудия, участие представителей средств информации и общественности в ходе судебного расследования или его одной части может быть запрещено». Эта конституционная норма в новом УПК выражена в виде двух отдельных принципов: **гласность судебного разбирательства и справедливое расследование дела.**

Принцип гласности судебного расследования закреплен в ст. 16 УПК РА, согласно которой «судебное разбирательство ведется открыто. Закрытое судебное разбирательство ведется в случаях, предусмотренных законом из соображений защиты общественной нравственности общества, общественного порядка, государственной безопасности, личной жизни сторон или интересов правосудия. Приговоры и окончательные решения судов во всех случаях объявляются публично».

При сравнительном анализе ст. 39 Конституции РА и ст. 16 УПК можно заметить: во-первых, они сформулированы неодинаковым образом, и это противоречит правилам законодательной техники, согласно которым при воспроизведении норм правового акта, имеющего более юридическую силу, и особенно Конституции, в нижестоящем акте не должна изменяться их формулировка и смысл. Нижестоящий акт должен воспроизвести данную норму, введя ее в свою общую систему, чтобы не вызвать коллизий и разночтений, что, по нашему мнению, налицо в данном случае, поскольку в ст. 39 Конституции РА говорится также о частично закрытом заседании суда, о чем ничего не сказано в ст. 16 УПК. Во-вторых, формулировка ст. 12 УПК 1961 г.—«Закрытое судебное разбирательство допускается по мотивированному определению суда...», более правильна, чем формулировка Конституции и нового УПК РА—«Закрытое судебное разбирательство ведется в случаях, предусмотренных законом из соображения...», поскольку закон прямо не обязывает вести закрытое судебное разбирательство, а устанавливает те основания, при наличии которых суд может вынести определение о проведении закрытого судебного заседания. В-третьих, ст. 39 Конституции РА и ст. 16 УПК РА устанавливают одинаковые основания, при наличии которых может быть проведено закрытое судебное разбирательство. «Из соображений защиты общественной нравственности общества, общественного порядка, государственной безопасности, личной жизни сторон или интересов правосудия...». Часть 5 ст. 172 УПК РА допускает также проведение частичного закрытого судебного заседания «при наличии угрозы опубликования служебной, коммерческой или иной охраняемой законом тайны...», о чем ничего не говорится в ст. 16 УПК. Нам кажется, что налицо расширительное толкование ст. 39 Конституции и ст. 16 УПК РА, что непозволительно. Следовательно, пока надо устранить это противоречие, восстановить конституционную формулировку, а в будущем отредактировать и саму конституционную норму, исходя из вышеуказанных замечаний.

Значение принципа гласности заключается в том, что он «обеспечивает социальный контроль за деятельностью органов, ведущих уголовный процесс, открытое разбирательство дела, в ходе которого проверяются и исследуются все материалы дела, представленные органами расследования и дополнительно полученные судом, позволяет присутствующим в судебном заседании гражданам самим судить об обстоятельствах дела и личности подсудимого, оценивать течение и результаты процесса и таким образом формировать общественное мнение об уголовном судопроизводстве в целом. Гласный процесс усиливает чувство ответственности судей, присяжных заседателей, способствует полному осуществ-

влению всех принципов судопроизводства, укрепляет гарантии прав и законных интересов личности, оказывает на граждан определенное правовое воздействие»¹⁴.

Принцип справедливого рассмотрения дела в части 1 ст. 17 УПК сформулирован следующим образом: «Каждый имеет право на рассмотрение касающегося его интересов уголовного дела с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». Источниками этого положения служат международные акты в области прав человека, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.: «Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Опыт многих десятилетий и даже столетий говорит о том, что суд относится к числу таких государственных учреждений, решения которых находятся в поле зрения других государственных учреждений, должностных лиц различного уровня и просто граждан, так или иначе заинтересованных в результатах разбирательства конкретных дел. Отсюда и то многообразие способов и методов, используемых для оказания влияния на суды, которые выработаны многолетней практикой. Для обеспечения требований справедливости, независимости и дееспособности суда Конституция РА и новое судоустройственное и процессуальное законодательство устанавливает многочисленные средства, гарантии, которые призваны на деле обеспечивать данные свойства суда.

Эти средства и гарантии можно разделить на 4 группы:

— законодательные правила, которые устанавливают требования, предъявляемые к кандидатам в судьи, определяют порядок их назначения. Основы этих правил установлены Конституцией РА, а подробную регламентацию получили в законе о статусе судьи. Реализация этих правил призвана «создать «сито», с помощью которого от реализации судебных функций отстраняются люди, не способные выполнять их». В конечном счете правила данной группы обеспечивают преимущественно компетентность суда»¹⁵.

Поскольку эти правила имеют судоустройственный характер, то мы здесь их не будем обсуждать, скажем лишь, что они в РА находятся еще не на должном уровне правового регулирования, поскольку содействуют полномасштабному вмешательству исполнительной власти в решение вопросов формирования судейского корпуса;

— законодательные правила, которые обеспечивают независимость суда и судей;

— законодательные правила определения подсудности уголовного дела;

— законодательные правила, ограничивающие возможность необъективности либо пристрастности тех, которые в уголовном процессе наделены правом принимать решения по существу вопросов, особенно это относится к суду.

Прежде чем приступить к обсуждению этих правил в отдельности, важно сказать, что между ними нет «непроходимой пропасти» и четких границ, поскольку они тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и дополняют друг друга.

Вторая группа этих правил провозглашает, что судья при осуществлении правосудия независим и подчиняется только закону (ст. 97 Конституции РА). Различные гарантии реализации этого конституционного

¹⁴ См.: Уголовный процесс. Под ред. П. А. Лупинской. М., 1995, с. 106—107.

¹⁵ Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М., 1997, с. 73.

положения закреплены в других нормах Конституции РА, а также некоторых составляющих основу судебно-правовой реформы законах. Среди них особое место занимают положения Конституции о несменяемости судей (ст. 96 Конституции РА).

Дополнительной гарантией обеспечения независимости суда является предписание Конституции РА, согласно которому судья не может занимать другую государственную должность или выполнять иную оплачиваемую работу, кроме научной, педагогической и творческой. Судья не может являться членом какой либо партии или заниматься политической деятельностью» (ст. 98 Конституции РА).

Независимость суда и судьи обеспечивается и тем, что порядок и основания ответственности судьи устанавливаются Конституцией и законами. Закон РА о статусе судьи содержит положения о недопустимости вмешательства в деятельность суда (ст. 6), об ответственности за неуважительные отношения к суду и судье (св. 7), о неприкосновенности судьи (ст. 11).

Независимость суда и судьи и их подчинение только закону обеспечивается также тем, что Конституция РА устанавливает особый порядок ответственности и прекращения полномочий судьи, а закон о статусе судьи, развивая гарантии независимости судьи, устанавливает также материальные, социальные и другие гарантии деятельности судьи (ст. ст. 16—30 Закона РА о статусе судьи).

Законодательные правила определения подсудности и подсудности уголовного дела имеют не только юридико-технический характер. Их правильное решение означает «обеспечение компетентности и беспристрастности суда, его надлежащего состава. И решаться они должны не по усмотрению какого-то должностного лица или по его капризу, как это нередко случалось в прошлом, в том числе в не столь отдаленном»¹⁶. По этой причине ст. 24 УПК РА устанавливает: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Приговор суда по уголовным делам и другие решения могут пересматриваться только соответствующим вышестоящим судом по правилам, установленным УПК».

В последующих статьях новый УПК устанавливает правила подсудности и подсудности, не допуская исключения из этих правил и даже изъятия дела из нижестоящего суда вышестоящим судом, что допускалось в предыдущем законодательстве (ст. ст. 38—51). Например, ст. 44 УПК устанавливает, что суд первой инстанции рассматривает дела о всех преступлениях, а ст. 50 УПК устанавливает, что территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена с согласия всех обвиняемых, если большинство участвующих по данному уголовному делу лиц живет вне судебной территории данного суда первой инстанции.

Законодательные правила, обеспечивающие объективность, непредвзятость, беспристрастность суда, заключаются в следующем:

— этому способствует предусмотренная законом вся процедура осуществления правосудия;

— судья, прокурор, следователь, работник органа дознания не могут участвовать в производстве по уголовному делу, если они прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела. Речь идет о правилах отвода указанных лиц от расследования и разбирательства конкретного дела (ст. ст. 88—97, 321—327 УПК РА);

— орган, осуществляющий уголовное преследование, обязан принимать все меры, предусмотренные УПК для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого и обвиняемого обстоятельства дела, а также и смягчающие или отягчающие их ответствен-

¹⁶ Там же, с. 73—74.

ность обстоятельства (часть 3 ст. 17 УПК РА)¹⁷. «Ни обвиняемый, ни адвокат, ни иные участники процесса не обязаны всесторонне, полно и объективно исследовать материалы дела. На обвиняемом не лежит обязанность доказывания каких-либо обстоятельств»¹⁸;

— заявления подозреваемого, обвиняемого и их защитника об их невиновности, о наличии оправдывающих их или смягчающих ответственность доказательств, а также протесты о нарушении законности в ходе уголовного процесса должны подробно проверяться органом, осуществляющим производство по делу (п. 4 ст. 17 УПК);

— судья, орган дознания, следователь, прокурор оценивают доказательства по внутреннему убеждению. В уголовном процессе никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Судья, орган дознания, следователь, прокурор не должны проявлять предвзятый подход к доказательствам, не должны отдавать предпочтение некоторой их части до их исследования в рамках надлежащей правовой процедуры (ст. 25 УПК: «Свободная оценка доказательств»).

5. Одним из новшеств нового уголовно-процессуального законодательства является правило, устанавливающее, что **«никто не обязан давать показания против себя самого, своего супруга (супруги) и близких родственников»**, которое возведено в ранг конституционной нормы, а новый УПК ставит его в ряд принципов уголовного процесса.

Одним из важных достоинств новой Конституции РА является человекоцентристское правопонимание, согласно которому все «основные характеристики всего конституционного регламентируемого пространства в целом и правовой государственности в особенности даются в ней с позиции и под углом зрения прав и свобод человека и гражданина, их признания, конкретизации и защиты. Такой подход особенно важен и актуален для общества с тоталитарно-социалистическим прошлым и соответствующей юриспруденцией, которая с классово-коммунистической позиции оправдывала подмену права антиправовым законодательством и властно-силовыми нормами, отвергала общечивилизационные достижения и ценности в области права и государства, отрицала права и свободы человека»¹⁹.

Одним из проявлений человекоцентристского правопонимания является институт освобождения от обязанности давать показания, который имеет довольно серьезные моральные предпосылки. Статья 42 Конституции РА устанавливает, что «никто не обязан давать показания против себя самого, своего супруга, (супруги) и близких родственников. Законом могут быть предусмотрены другие случаи освобождения от обязанности давать показания». Эта конституционная норма воспроизведена в части 1 ст. 20 УПК РА и развита в части 2 той же статьи: «Лицо, которому орган, производящий уголовное производство, предлагает сообщить данные или предъявить материалы, свидетельствующие о своей виновности, виновности своего супруга и близких родственников в совершении преступления, имеет право отказаться от сообщения подобных данных и предъявления материалов». Кроме того п. 40 ст. 6 УПК устанавливает довольно широкий круг близких родственников: родители, сыновья и дочери, усыновленные, усыновители, кровные или не кровные братья и сестры, бабушка, дедушка, внуки, а также супруг (супруга), родители супруги (супруга).

Таким образом, УПК РА, исходя из единого, взаимообусловленного соотношения публичных и личных интересов в уголовном процессе и

¹⁷ По сути, это требование является выражением принципа всесторонности, полноты и объективности в уголовном процессе. Но поскольку Конституция РА не причисляет его в числе принципов правосудия, что было бы более правильным, а новый УПК рассматривает его в контексте принципа справедливого рассматривания дела, как одно из требований последнего, то мы не будем рассматривать его отдельно.

¹⁸ Уголовный процесс. Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997, с. 68.

¹⁹ Нерсесянц В. С. Указ. раб., с. 157.

следуя рекомендациям его теории, согласно которым «неправильно представлять дело таким образом, что свидетели и должностные лица одинаково обязаны действовать в публичных интересах для достижения необходимого результата в соответствии с целями уголовного процесса... Что касается граждан, то они обязываются лишь содействовать правоохранительным органам и органам судебной власти в деле сдерживания преступности... Но это содействие не должно обеспечиваться по преимуществу принудительно, обрекая граждан на неприемлемые тяготы лишения и стеснения»²⁰, устраняет одно из проявлений противоречия между публичным и личными интересами свидетелей, отдавая предпочтение личным интересам.

6. Статья 40 Конституции РА устанавливает: «Каждый имеет право на получение юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Каждый имеет право на защитника с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Эти конституционные положения в новом УПК РА воспроизведены в двух отдельных статьях в виде отдельных принципов уголовного процесса: обеспечение права на получение юридической помощи (ст. 10 УПК РА); право подозреваемого и обвиняемого на защиту и ее обеспечение (ст. 19 УПК РА).

Принцип обеспечения права на получение юридической помощи (ст. 10 УПК) предполагает:

— каждый имеет право на получение юридической помощи в порядке, предусмотренном УПК РА (часть 1 ст. 10 УПК);

— орган, осуществляющий уголовное производство, обязан обеспечить право подозреваемого и обвиняемого на получение юридической помощи (часть 2 ст. 10 УПК);

— гражданский истец или его законный представитель, законный представитель подозреваемого или обвиняемого, а также гражданский ответчик в ходе уголовного процесса имеют право привлечь представителя и пользоваться его юридической помощью (часть 3 ст. 10; п. 18 части 1 ст. 59; п. 18 части 1 ст. 63; п. 3 части 2 ст. 65; п. 19 части 2 ст. 75, а также ст. 78 (Представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) и 79 УПК (Права и обязанности представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) и т. д.);

— орган уголовного преследования не имеет права запрещать участие приглашенного со стороны потерпевшего, как представителя адвоката во время допроса потерпевшего (часть 4 ст. 10 УПК);

— орган, осуществляющий уголовное производство, может вынести решение о предоставлении бесплатной юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, исходя из их материального положения (часть 5 ст. 10 УПК).

Право подозреваемого и обвиняемого на защиту и его обеспечение как принцип уголовного процесса закреплен в ст. 21 УПК. Этот принцип является также выражением такого конституционного положения, как право каждого на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом средствами (ст. 38 Конституции РА). Для сравнения надо отметить, что прежнее законодательство гарантировало такое право только для обвиняемого (ст. 13 УПК 1961 г.).

Право подозреваемого и обвиняемого (подсудимого) на защиту образует всю совокупность принадлежащих им прав, осуществление которых дает возможность оспаривать выдвинутое против них подозрение или обвинение в совершении преступления, доказать свою непричастность к преступлению, невиновность или меньшую степень вины, защи-

²⁰ Демидов И. Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. М., 1995, с. 40.

шать другие законные интересы в деле (моральные, имущественные, трудовые и др.).

Сущность данного принципа выражается в следующем:

— орган, осуществляющий уголовное производство, обязан объяснить подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечить им фактическую возможность защищаться от обвинения всеми не запрещенными законом средствами (часть 2 ст. 19; часть 1 ст. 63; часть 1 ст. 65 УПК РА);

— подозреваемый и обвиняемый имеют право знать, в чем они подозреваются или обвиняются (пункт 1 части второй ст. 63, пункт 1 части второй ст. 65 УПК РА), получать письменную повестку и разъяснения о своих правах;

— орган, осуществляющий уголовное производство, обязан в соответствующих случаях сделать участником дела законных представителей подозреваемого и обвиняемого (часть 3 ст. 19; ст. ст. 76, 77 УПК РА);

— подозреваемый и обвиняемый имеют право защищаться от обвинения как лично, так и через защитника и законного представителя. Участие защитника и законного представителя подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе не ограничивает права последних (часть 4 ст. 19 УПК);

— подозреваемого и обвиняемого нельзя принудить к даче показаний, представлению материалов или оказыванию какого-либо содействия органу, осуществляющему уголовное производство (п. 5, ст. 19).

Гарантиями права подозреваемого, обвиняемого на защиту являются и другие многочисленные нормы и институты УПК РА, например, судебный контроль в отношении досудебного производства, недопустимость вторичного осуждения и уголовного преследования, ухудшения положения обвиняемого. Последнее в новом УПК закреплено как принцип уголовного процесса (ст. 21).

«Право на защиту — не только гарантия интересов личности, но и гарантия интересов правосудия, оно — социальная ценность. Наличие у защитника широкой возможности оспаривать выводы обвинительной власти, представлять доказательства и доводы в пользу подзащитного создаст наилучшие условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, установления по нему истины»²¹. Однако, совершенствуя организационные и правовые механизмы осуществления этого принципа, Конституция и новый УПК РА установили новые преграды для полного осуществления этого принципа. Одной из них можно считать ст. 93 Конституции, которая воспроизведена в ст. 404 УПК РА и устанавливает, что вступившие в законную силу решения, приговоры и постановления пересматриваются в кассационном суде на основании протестов генерального прокурора, его заместителей или имеющих специальную лицензию и зарегистрированных в Кассационном суде адвокатов. Недоумение вызывает такой субъект опротестования, как имеющий специальную лицензию и зарегистрированный в кассационном суде адвокат. Подобное решение проблемы, по нашему мнению, может служить источником злоупотреблений, является ограничением права на получение юридической помощи и права на защиту.

7. Конституция РА 1995 г. впервые на уровне конституционного регулирования непосредственно закрепила **принцип презумпции невиновности**. Статья 41 Конституции устанавливает, что «обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его вина не доказана в порядке, установленном законом, вступившим в законную силу приговором суда.

Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Неподтвержденные подозрения толкуются в пользу обвиняемого».

²¹ Уголовный процесс, под ред. проф. П. А. Лупинской. М., 1995, с. 113.

Статья 18 УПК РА, закрепляя презумпцию невиновности как принцип уголовного процесса, развивая содержание этого принципа дальше, распространяя его действие на подозреваемого и как дополнительные гарантии этого принципа устанавливает, что:

1) обязанность доказывания невиновности подозреваемого и обвиняемого не может возлагаться и на сторону защиты. Обязанность доказывания обвинения и исключения фактов, приведенных в защиту подозреваемого и обвиняемого, несет сторона обвинения (часть 2 ст. 18 УПК РА);

2) заключение о виновности лица в совершении преступления не может основываться на предположениях, оно должно удостоверяться достаточной совокупностью относящихся к делу достоверных доказательств (часть 3 ст. 18 УПК РА);

3) применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения не могут содержать элементы наказания (часть 5 ст. 18 УПК РА).

Последнее положение УПК крайне важно и имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет характер процессуального принуждения через призму презумпции невиновности. «Процессуальное принуждение является одним из средств, которые обеспечивают применение норм уголовно-процессуального закона, претворение их в жизнь. Оно включает в себе потенциал, который во многих случаях способен предупредить либо преодолеть соответственно возможное либо действительное противодействие обязанного лица нормальному развитию производства по уголовному делу. В этом заключается позитивное и конструктивное назначение процессуального принуждения. Иными словами, его роль, как и механизма правового регулирования в целом — обеспечить устойчивое функционирование уголовного процесса»²².

8. Одна из фундаментальных основ правосудия закреплена в ст. 91 Конституции РА, которая провозглашает, что правосудие в Республике Армения осуществляют только суды в соответствии с Конституцией и законами. Это конституционное положение воспроизведено в новом УПК РА, как принцип осуществления правосудия только судом. Исходя из положений ст. ст. 91—92 Конституции РА, ст. ст. 1, 10 закона РА о судеустройстве и т. д., можно констатировать, что в РА правосудие по уголовным делам осуществляют суды общей юрисдикции. Создание чрезвычайных судов запрещается. Это означает, что уголовное правосудие как вид государственной деятельности не вправе осуществлять никакой другой государственный или иной орган.

Ст. 24 УПК, развивая содержание этого принципа, устанавливает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также привлекаться к уголовному наказанию иначе, как приговором суда и в соответствии с законом. Присвоение полномочий суда наказывается уголовным законом. Компетенция суда, порядок осуществления им уголовного судопроизводства не могут изменяться в отношении отдельных лиц либо отдельных дел, либо для определенного срока (часть 4 ст. 24 УПК РА).

Завершая анализ конституционных принципов судопроизводства и их воплощения в новом УПК РА, мы приходим к выводу о том, что в контексте конституционного развития Армении принятие Конституции 1995 г. означает качественный сдвиг на пути к созданию правового, демократического государства, основным принципом построения и деятельности которого является принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Ряд теоретических и правовых поло-

²² Демидов И. Ф. Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Автореф. докторской диссертации. М., 1996, с. 39.

жений, содержащихся в Конституции и относящихся к судебной власти, позволяет нам рассматривать судебную власть как независимую, суверенную, равновеликую законодательной и исполнительной властям систему органов, которая должна играть важную роль в механизме правового государства. Основная функция судебной власти — правоохранительная, а способы ее реализации — формы правосудия, осуществляемые специально созданными государственными органами в строго определенном процессуальном порядке. Исходя из этих фундаментальных идей, Конституция РА закрепляет специальные правила организации и деятельности судебной власти, которые направлены на обеспечение ее независимости и беспристрастности. Среди них важное место занимают конституционные принципы уголовного судопроизводства. Эти принципы в большинстве являются новшеством для нашего конституционного законодательства, а частично представляют собой развитие прежних конституционных принципов и положений. В Конституции РА они закреплены в различных главах либо в виде основ конституционного строя, либо как конституционные права человека и гражданина, либо как гарантии осуществления основных прав и свобод, либо как принципы организации и деятельности судебных органов в главе «Судебная власть». Конституционные принципы уголовного судопроизводства явились предпосылкой для реформирования системы уголовного процесса. Они, как общие руководящие исходные положения, определяют наиболее существенные стороны данного вида государственной деятельности, определяют более частные правила и положения нового уголовно-процессуального законодательства, определяют построение уголовного процесса в целом и имеют высшую юридическую силу в отношении как с собственно процессуальными принципами, закрепленными только в УПК, так и с более частными положениями УПК. Однако, как показывает сравнительный анализ конституционных принципов уголовного судопроизводства и положений нового УПК, между ними существуют и расхождения, которые имеют как юридико-технический характер, т. е. нарушают требования законодательной техники о единстве правовых формулировок, и т. д., и вызывают коллизии, разночтения, расширительное толкование конституционных норм, так и предусматривают правоограничения граждан в связи с их участием в уголовном процессе и имеют антиконституционный характер. Да и самой Конституции, особенно главе «Судебная власть», присущи внутренние недостатки, а отдельные конституционные нормы нуждаются в редактировании и корректировке. Гарантией преодоления и предотвращения нарушений норм Конституции РА является ее высшая юридическая сила и непосредственное действие. Но как показывает пятилетний опыт действия Конституции РА и действие нового УПК РА с января 1999 г., непосредственное действие Конституции РА все еще остается ее скрытым потенциалом. Следовательно, перед армянской юриспруденцией стоит задача осмыслить вышеуказанные проблемы и разработать предложения, направленные на преодоление коллизий между Конституцией РА и текущим законодательством, в том числе и уголовно-процессуальным, а также его совершенствования, поскольку наличный механизм фактически действует неэффективно, а усилия юриспруденции в этом направлении сталкиваются с массой трудностей. В этом аспекте нами предлагается разработать следующие механизмы, которые бы помогли направить текущее законодательство в русло конституционности:

— разработать эффективный механизм непосредственного действия Конституции РА и внедрить его в правоприменительную деятельность;

— сделать более эффективным механизм конституционного контроля в РА, расширив круг субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный суд РА, включив в их число Кассационный суд и Прокуратуру РА²³;

²³ Исследователя системы конституционного правосудия в РА также отмечают,

— поскольку при существующей системе законотворчества Правительство фактически узурпировало право законодательной инициативы, следует наделить этим правом также Кассационный суд РА, что вытекает из сущности разделения властей;

— если мы рассматриваем прокуратуру в качестве полноправного органа внешнего надзора за законностью, то и ей следует предоставить право законодательной инициативы по тем направлениям, где она надзирает за законностью.

Думается, что реализация этих предложений послужит более полному раскрытию потенциала конституционных принципов судопроизводства и станет предпосылкой для создания совершенной системы состязательного уголовного процесса.

Գ. Ս. ՂԱԶԻՆՅԱՆ— Դատավարության սահմանադրական սկզբունքները և դրանց դրսևորումը ՀՀ նոր փրեական դատավարության օրենսգրքում.— Հողվածում համեմատական վերլուծության են ենթարկվում ՀՀ 1995 թ. Սահմանադրությամբ, ինչպես նաև նոր քրեադատավարական օրենսդրությամբ ամրագրված քրեական դատավարության սկզբունքները և դրա հիման վրա ցույց է տրվում սահմանադրական սկզբունքների արտացոլման աստիճանը ՀՀ նոր քրեական դատավարության օրենսգրքում:

Կատարված վերլուծությունը հեղինակին հնարավորություն է ընձեռում բացահայտելու նոր քրեական դատավարության օրենսգրքում տեղ գտած մի շարք հակասահմանադրական դրույթներ: Հեղինակն առաջարկում է ՀՀ օրենսդրական նախաձեռնության և սահմանադրական վերահսկողության ինստիտուտներում իրացնել մի շարք մեխանիզմներ, որոնք հնարավորություն կրտան վերուցնել ՀՀ Սահմանադրության և նոր քրեական դատավարության օրենսգրքի միջև առկա հակասություններն ու տարածայնությունները և դրանով իսկ նպաստել քրեադատավարական օրենսդրության կատարելագործմանը:

что для существующей системы характерно наличие ряда проблем. Так, Г. Арутюнян, обосновывая новую концепцию системы конституционного правосудия в республике, предлагает в ст. 101 Конституции РА в качестве субъектов, имеющих право обращения в Конституционный суд, предусмотреть: Президента, 1/5 членов Парламента. Правительство, суды общей юрисдикции, Генерального прокурора — по абстрактному контролю, выборные органы местного самоуправления, церковь, физических и юридических лиц — по конкретному контролю, кандидатов в президенты Республики и в депутаты — по спорам, связанным с решениями о результатах выборов. (См.: Арутюнян Г. Г. Конституционный суд в системе государственной власти (сравнительный анализ). Ереван, 1999, с. 171).